

Анна Данилова

Л О Р А

Любовь — это всегда больно...

Анна Данилова

**Лора. Любовь – это
всегда больно...**

«Издательские решения»

Данилова А.

Лора. Любовь – это всегда больно... / А. Данилова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852064-8

Лора, журналистка провинциальной газеты, узнав об измене мужа, уходит от него. Она не подозревает, что интервью, которое она берет у директора крупного завода, перевернет всю ее жизнь, а семь свиданий, обещанных ему по устному контракту в уплату за шикарную квартиру, пробудят в ней чувственность...

ISBN 978-5-44-852064-8

© Данилова А.
© Издательские решения

Лора

Любовь – это всегда больно...

Анна Данилова

Дизайнер обложки Анна Дубчак

© Анна Данилова, 2017

© Анна Дубчак, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-2064-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

За окном шел дождь. В редакции было тихо – все разбежались кто куда. Лора подошла к окну и взглянула с высоты двенадцатого этажа на мокнувшую внизу машину. Нехорошее предчувствие, причину которого она еще не знала, охватило ее. Откуда вдруг это чувство тревоги и неуверенности в себе? Может, от того, что она плохо спала? Ночью было душно и как-то особенно одиноко. Борис обещал позвонить – и не позвонил. Она представила себе, как он ходит сейчас по улицам Москвы, встречается с незнакомыми ей людьми – словом, ведет свою, только ему известную жизнь. Интересно, как спалось ему в гостинице, что ему подавали на ужин в ресторане, да и вообще, вспоминает ли он ее, Лору? Ох уж эти его командировки...

Она взглянула на плод своего утреннего труда – лист с отпечатанным на нем заголовком и двумя строчками начала – и поняла, что, возможно, в ней умерла скрипачка или балерина, но заниматься журналистикой надоело.

Больше того, в последнее время Лора стала замечать, что коллеги журналисты стали ее раздражать своим неумным любопытством и нахальством, с которым берут интервью или высказывают свое мнение по вопросам, не терпящим дилетантства. Особенно это касается политики. Ты – журналист, вот и освещай себе на здоровье факты...

Дрынов – главный редактор газеты, в которой работала Лора, поручил ей написать статью о приехавшем недавно в С. директоре химического комбината Седове. «Птица высокого полета, собирается оснастить комбинат швейцарским оборудованием. Но, говорят, со странностями».

Но писать про «птицу» не хотелось. Выпито было две чашки кофе, а в голове все еще дремала, свернувшись клубочком, кошка-лень.

– Я сейчас поеду в лес, – сказала Лора забежавшей к комнате Лизе. – Ничего в голову не идет. Как-то нехорошо на душе. А это что?

Лиза, рассыпав по столу пачку свежих, сверкающих глянцем фотографий, ткнула пальцем в одну из них и просияла:

– Дрынов поручил написать мне вот об этом особняке. Представляешь, Феликс успел отпечатать снимки, а материал у меня почти готов! Вот увидишь, после моей статьи его не посмеют снести.

Лора вертела в руках снимок, отмечая про себя, как в тумане, красивую кладку, лепнину, украшающую наличники дома, узор чугунных решеток на балконах, пока не заметила в одном из окон – фотография была большая, четкая – человека.

– Как он тебе? – Улыбающаяся Лиза потрогала пальчиком гладкую поверхность того места на фотографии, где на фоне сверкающего чисто вымытого стекла стоял обнаженный по пояс мужчина. – Феликс – волшебник, так заснять!

– Это мой муж, Лиза, – не своим голосом произнесла Лора и поднесла снимок к глазам. – Это Борис, который сейчас должен находиться в Москве. – Она схватила телефонную трубку и быстро набрала номер фотокамера Феликса.

– Привет, это Лариса. Скажи, когда ты снимал особняк на набережной? Вчера утром? – Она положила трубку.

– Если меня будет искать Дрынов, скажи ему, что я поехала к Седову.

– Лора, ты куда? – Лиза, с лица которой мгновенно сошла улыбка, стояла в растерянности посреди комнаты и не знала, как остановить Лору. Хлопнула дверь. Лиза позвонила Феликсу:

– Ты, Феликс, скотина. Ну и угораздило же тебя заснять именно это окно...

В комнате витал еще запах духов. Лиза всегда немного завидовала Лоре, старалась на нее походить, даже копировала фасоны платьев и костюмов. Но вот теперь-то ей не хотелось быть на нее похожей. Лиза подошла к окну и встала на то место, где еще недавно стояла Лора, глядя на стоящую внизу машину, и стала ждать ее появления. Вот она выбежала, распахнув стеклянные двери, спустилась по лестнице к тротуару, привычным движением обошла машину и открыла дверцу. Высокая, тоненькая, в черных брючках и красном изящном жакете, с портфелем из мягкой рыжей кожи в руках, Лора уселась на сиденье, и через минуту машина рванулась с места. «Пусть у меня будет сто несчастий, – подумала Лиза, провожая машину глазами, – но мне все равно хочется побыть Лорой, иметь такую фигуру, волосы и все-все, чем обладает Лора».

Открылась дверь, и вошел несколько полноватый молодой мужчина в светлом пиджаке и кремовых брюках. Он выглядел крайне озабоченным.

– Не понял, – буркнул он и сел за стол. – Потрудитесь объяснить.

В лес Лора решила поехать через набережную. Она все еще тешила себя надеждой, что в окне особняка был все же не Борис. Она сделала все возможное, чтобы успокоиться: поставила кассету с тоненьким голосом-шепотком Милен Фармер, выкурила хорошую сигарету и даже съела полплитки шоколада. «Как он тебе?» Лиза ни разу не видела Бориса. Вряд ли она показала бы ей этот снимок, будь она знакома с ним. Хорошая девушка, милая, приятная, только-почти ребенок. Интересно, у них с Феликсом роман? Возникшее из ниоткуда слово намертво приросло к мужчине за окном: это у него роман с другой женщиной. И что же сейчас будет? Она вычислит номер квартиры и позвонит? «Я из ЖЭКа». Нет, она просто дождется, пока откроют дверь, а там видно будет. Можно было думать и думать на эту тему, но Лора гнала ее от себя прочь, пытаясь сосредоточиться на залитом водой ветровом стекле, на мелькающих за ним деревьях, домах и светофорах.

Она оставила машину под каштановым деревом, вышла и внимательно осмотрела дом. Двухэтажный красного кирпича, он явно терялся на фоне белоснежных, словно вчера выстроенных застекленных офисов с яркими вывесками и рекламными щитами на фасадах. А вот и окно. Достаточно войти в подъезд и подняться на второй этаж.

Оказавшись в мрачном холодном подъезде, Лора подумала, что все это как во сне – невероятно все это, нелепо. Она остановилась перед массивной дверью, собралась было уже позвонить, но заметила, что не заперто. Она быстро оглянулась, боясь встретиться с человеком, который выбежал на минуту из своей квартиры за хлебом, вернулся и застал перед дверью незнакомую женщину с испуганными глазами. Действительно, дверь не заперта, можно даже заглянуть в щель... Лора тихонько толкнула ее и, придерживая за ручку, отворила. Странно, но из квартиры тянуло запахом дождя, должно быть, открыты окна. Она оказалась в большой прихожей, все пространство которой занимал бильярдный стол. Под ногами лежал толстый темный ковер, поэтому не было слышно даже собственных шагов. Серый прозрачный свет пробивался из приоткрытых дверей, которые вели в комнаты. Станный звук, похожий на мышинный писк, доносился из комнаты, расположенной слева. Не осозна-

вая, что делает, Лора приблизилась к приоткрытой двери и заглянула. На кровати было двое. У женщины были густые выющиеся светлые, почти белые, волосы. Мужчина же, напротив, был черноволос, смугл. Спина его была покрыта темной шерстью. Лора бессознательно достала сигарету и закурила. Борис был так близко от нее, что ей достаточно было сделать пару шагов, чтобы дотронуться до него. Люди называют такую ситуацию кошмаром. Но это была страсть. Страсть, ради которой благовоспитанный, уравновешенный и, в принципе, порядочный человек был вынужден лгать, постоянно находиться в напряжении из страха быть разоблаченным. Лора, которая меньше всего внимания в их совместной жизни уделяла сексу, почувствовала себя обманутой. Она недоумевала: неужели ради вот этой женщины он бросил ее на целую неделю? И чем же они занимаются все время, убивают время в постели, заботясь лишь о сытости тела? Вот уже шесть дней прошло, как он, собрав дорожную сумку, ушел, сказав, что едет в Москву. Зачем ему было врать, если можно спокойно все рассказать и уйти навсегда? У них нет детей, за которых приходится нести ответственность, чего ради скрываться?

Прошло достаточно много времени, прежде чем Лора поняла, что сцена, свидетельницей которой она оказалась, приблизила любовников к определенной точке наслаждения. Борис ни разу не проявлял еще себя так бурно, женщина промокнула ему лоб простыней, откинувшись на подушки и только тогда заметила стоящую рядом с кроватью Лору.

– Борис, посмотри!

Борис повернул голову и от неожиданности вздрогнул.

– Лариса? Ты?

– Послушай, – она, дрожа всем телом, присела на край постели и принялась судорожно раскуривать следующую сигарету, – послушай, Боря, чем тебя не устраивает мое тело? Зачем ты притащился к этой девице? Ты же не любишь ее. Я проторчала здесь минут сорок, но так и не поняла, чем же она лучше меня. Странные ощущения-я испытала, не скрою... И почему-то захотелось убить вас обоих, сразу, раз – и готово. Вы мне противны. Ты лежишь на чужой постели, и сливаешься с телом чужой голой женщины. Возможно, я ханжа, но это предательство. Это все равно как если бы ты ел с ней из одной тарелки, а потом бы вы вытирали рот одной салфеткой. Ты неприятен мне, слышишь?.. Я попрошу Лизу сходить домой за вещами, но к тебе не вернусь. Не хочу с тобой жить, не хочу тебя видеть. Глотать мышьяк не собираюсь. Господи, как же это все противно...

Не в силах сдержать слезы, Лора выбежала из квартиры. Перелетая через ступени, спустилась вниз и уже через минуту гнала машину в сторону моста.

* * *

Она остановилась в своем излюбленном тихом месте в нескольких десятках метров от дороги у красно-желтых зарослей дикой смородины и шиповника, вышла из машины, села на поваленное дерево и принялась рассматривать кусок коры. В тридцать лет не знать, чего хочет от тебя мужчина? Ну и пусть он уходит. Лора поняла вдруг, что от этой мысли ей стало легче. Неужели она неосознанно стремилась к одиночеству? Как иначе можно объяснить отсутствие боли? Чувство собственности напомнило ей, что ее обокрали. Но что у нее пропало? Муж? Друг? Любовник? Они с Борисом избегали разговоров на такие темы: о любви и взаимоотношениях мужчины и женщины вообще. Просто существовали, заботясь друг о друге и совершая как ежедневный ритуал нечто, значения чего Лора не понимала и действовала, скорее подчиняясь чувству долга, нежели инстинкту. Единственное, за что цеплялось сознание, – это нежность, с которой Борис все это проделывал, и все же она относилась к физической стороне их отношений с какой-то долей досады: все было с ее стороны наиграно, фальшиво, с ароматом самообмана. И вот теперь, потрясенная увиденной, вернее, под-

смотренной сценой, натуральной и грубоватой, она вдруг позавидовала этой блондинке, раскованной и откровенной в своих желаниях. Внимательным женским взглядом Лора сумела рассмотреть эту женщину с головы до ног в прямом смысле и нашла, что ее тело далеко не безукоризненно. Но что проку от роскошных форм и гладкой кожи, если мужчине нужно что-то другое, необъяснимое? Как бы ей хотелось сейчас раздеться прямо здесь, в лесу, пройти босиком по прохладной, устланной рыжей лиственной земле и чтобы ее непременно кто-то увидел. Увидел и восхитился. Понимая, что у нее начинается бред, Лора загасила сигарету и, поклявшись себе больше не курить и не думать о Борисе, села в машину и направилась в город. Жизнь продолжалась. Дрынов ждал от нее интервью с Седовым. Теперь главное заключалось в том, чтобы этот новоиспеченный директор оказался на месте. Она, конечно, сгруппировалась, не перезвонив ему, чтобы поконкретнее договориться о времени.

Он сидел за огромным столом со множеством телефонных аппаратов. Посреди разноцветных глянцевых папок с бумагами и стопок с рекламными журналами стояла мраморная статуэтка, изображающая сидящую по-турецки полуобнаженную женщину. Когда Лора вошла в кабинет, Седов держал статуэтку за голову и о чем-то сосредоточенно думал. Ей даже показалось, что секретарша впустила ее по ошибке, не справившись о занятости шефа. Вот таким она впервые увидела Игоря Львовича. Темноволосый, худощавый, высокий – это было ясно, несмотря на то что Седов сидел, – пронзительные ярко-голубые прозрачные глаза с черными, как будто выпуклыми зрачками. Лицо его было словно напудрено – настолько он был бледен. И только темно-красные крупные губы свидетельствовали о том, что в его бледности повинна не болезнь, а особая матовость кожи.

– Вот, – проговорил он тихим сухим голосом и протянул Лоре лист бумаги с отпечатанным текстом.

– Что это? – не поняла Лора, принимая листок и улыбаясь в душе произошедшему недоразумению – он явно спутал ее с кем-то.

– Это ваше интервью. Мне звонил Дрынов и предупредил о вашем визите. Я же понимаю, что вы не собирались спрашивать меня о моей личной жизни или, скажем, о том, какой одеколон я предпочитаю. Я записал все вопросы, какие могут интересовать журналиста вашего плана и тут же ответить на них. Здесь все, что касается моего приезда к вам, и план предполагаемого переоборудования комбината. В тексте много цифр, вам они покажутся интересными.

Он говорил настолько тихо, что Лоре приходилось прилагать усилия, чтобы услышать. «Он шизофреник».

Она пробежала глазами текст, и ей стало не по себе. В более идиотскую ситуацию она еще не попадала. Значит, день такой. Она сложила вчетверо листок, спрятала в сумку и встала.

– Что ж, я вижу, что вы времени даром не теряете. Кроме того, я благодарна вам за то, что вы сэкономили и мое время. Если бы все действовали так же, как вы, то моя работа превратилась бы в синекуру. – Она повернулась на каблуках и, почему-то виляя бедрами, как десятиклассница, которая хочет понравиться экзаменационной комиссии, направилась к выходу. Она замерла, боясь пошевелиться, и подумала, что ослышалась или вовсе сошла с ума. Лора осторожно повернула голову и, встретившись взглядом с Седовым, сделала вид, что не расслышала.

– Я вас правильно поняла? – В горле у нее пересохло, она не смогла бы повторить оброненную им фразу, настолько она была неуместной и нахальной.

– Я хочу вас, – таким же бесцветным и бесстрастным голосом, так же тихо произнес Седов и поднялся с кресла. – Вы не ослышались. У меня больше года не было женщины, но когда я увидел вас, то понял, что нужны мне вы.

– И что же? – ошарашенно спросила Лора, ничего не понимая.

– Вы женщина, и можете либо согласиться, либо отказаться.

– Да вы с ума сошли, – прошептала Лора, все еще не веря в реальность происходящего. Слишком много потрясений для одного дня. – Вы предлагаете мне выбор – спать с вами или не спать. Но почему я?

– Не знаю. Но если вы позволите, я сейчас же запру кабинет...

– Вы, очевидно, нанюхались химикатов на вашем комбинате, и у вас поехала крыша. Благодарите Бога за то, что эта ваша выходка никак не отразится на моей статье. У меня, в отличие от вас, совершенно другие принципы работы, да и жизни, впрочем.

Она собиралась сказать еще что-то в этом роде, но Седов повторил свою фразу.

– Вы можете мне поставить любые условия. У меня большие возможности.

Лора пыталась сосредоточиться. Перед глазами возникла сцена с мужем и блондинкой. Что за странные существа, эти мужчины. Может, попытаться обратить все в шутку и расстаться с этим Игорем Львовичем друзьями? К тому же ей действительно стало смешно. Рассказать кому – не поверят. Но весь его вид говорил о том, что он не шутит. Больше того, на его лице она увидела проступающие розовые пятна.

– Вас ведь зовут Лариса? – спросил он, выходя из-за стола и направляясь к ней. – Так мне сказал ваш главный редактор. Можно я сегодня вечером приеду к вам? Вы можете меня презирать, все что угодно, но я безумно хочу вас.

Лора поняла, что совершила большую ошибку, задержавшись в этом кабинете. Она как-то странно посмотрела на директора и, не сказав ему ни слова, вышла. В приемной толпились солидные мужчины в костюмах и галстуках. Она подумала, что эти люди наверняка охлаждают пыл Седова и быстро приведут его в чувства. «Ну и тип».

По пути к Лизе Лора заехала в магазин и купила еду. Поднимаясь на лифте на пятый этаж, она думала о том, что начиная с сегодняшнего дня жизнь ее изменится. Что спать она будет пока в Лизиной спальне, варить кофе в Лизиной кухне, а мыться в Лизиной ванне. Что Лиза прочно войдет в ее жизнь, равно как и она в Лизину. Это ощущение новизны очень скоро пройдет и останется лишь чувство неудобства и ответственности друг за друга. Но к чему усложнять и без того сложную жизнь. «Поживу несколько дней, а потом сниму себе квартиру», – подумала Лора и с этими мыслями позвонила. Как ни странно, но открыл ей Феликс. Он был в Лизином халате. Приняв из рук Лоры тяжелый пакет, он, ни слова не говоря, унес его на кухню. «Так все-таки у них роман!» Это и вовсе вывело ее из равновесия. Только этого еще не хватало. Показавшаяся из дверей спальни растрепанная Лиза молча показала взглядом на два чемодана, стоящие в прихожей.

– Ты хочешь знать, как все это происходило? – спросила осторожно Лиза.

– Нет. Думаю, что чемоданы были собраны. Я все-таки немного изучила этого человека. Я не помешала, Лизок?

– Нет. Он сейчас уходит. – Бедная девочка покраснела до корней волос, и вид у нее был крайне сконфуженный. Судя по сегодняшнему дню, люди вокруг только и занимаются, что проводят время в постели. Может, дело в какой-то определенной фазе Луны или Солнца? Или всегда так было, да просто Лора не обращала на это внимания. Как бы то ни было, но Феликс спешно ушел, словно прочитав ее мысли, даже не попрощавшись. А Лиза, делая вид, что больше всего на свете обеспокоена тем, хорошо ли зарумянились бифштексы, явно думала о другом. Потом, перевернув на сковородке купающееся в пузырящемся масле мясо, она неожиданно сказала, словно очнувшись: – Кстати, тебе звонили.

– Кто? – Лора чуть не отрезала себе вместе с луком палец и с удивлением посмотрела на Лизу. – Никто не знает, что я здесь... разве что Борис...

– Но это был не его голос. Звонил мужчина, не представился, сказал, что перезвонит в десять. Кто это, если не секрет.

– Без понятия. Может, Дрынов?

Лиза хмыкнула. Да, действительно, уж что-что, а голос Дрынова она узнала бы из тысячи голосов.

– Я вот что тебе хочу сказать, Лора, – задушевым голосом произнесла Лиза, когда они накрыли стол на кухне, включили музыку и разлили по рюмкам ледяную водку. – Тебе придется теперь жить по-другому. Ищи удовольствия. Во всем, начиная с теплой ванны, похода к косметичке и кончая пирожными с кремом. Заведи себе любовника, купи собаку.

– И привести ее сюда, к тебе? – Лора все-таки не сдержала раздражения. Не хотела, но так получилось. Ведь, в сущности, Лиза-то ни в чем не виновата.

– Сходи к Дрынову, может, он что-то придумает. У него большие связи в мэрии, гляди, однокомнатную и дадут.

Лора посмотрела на подругу, как на больную. Неизлечимо больную. Сама наивность!

– Зачем им это нужно? Дрынов скажет, чтобы я подавала на размен, но мне не нужна квартира Бориса. И вообще мне от него ничего не нужно. В конце концов, эта квартира осталась ему от родителей, я морального права на нее не имею. В крайнем случае, мне придется вернуться в Калугу, к маме, у нее двухкомнатная. Но я не поеду. – Лора сделала большой глоток водки, и у нее перехватило дух. – Давай пока не углубляться во все это, а, Лизок? Сил нет. Как вспомню его и ее, они даже не заметили меня...

Раздался звонок. Лиза взяла трубку.

– Тебя.

– Слушаю, – удивленным голосом сказала Лора в трубку, чувствуя, как пьянеет с каждой секундой.

– Это Седов. Можно я к вам сейчас приеду?

– Куда? Сюда? Нет, конечно. Я же здесь на птичьих правах. К тому же я вообще не понимаю, зачем вы мне звоните. Разве вы не поняли, что я сказала вам «нет»?

– Не понял. Я звоню из автомата рядом с домом вашей подруги. Вы не могли бы сейчас выйти ко мне? Оденьтесь потеплее, ночью будет совсем холодно.

– Я не могу. Не хочу. Я не выйду, и вы это прекрасно знаете. Я сегодня ушла от мужа, Игорь Львович. Надеюсь, вам не надо объяснять, в каком состоянии я сейчас нахожусь. И то, что вы хотите воспользоваться этим... словом, это не делает вам чести. В конце концов, это рано или поздно происходит с каждой женщиной. Или почти с каждой. – Лора смутно помнила, что говорила еще, пока не заметила, что в трубке уже давно идут гудки. Лиза расширенными от недоумения глазами смотрела на нее и качала головой.

– Кто это?

– Один случайный знакомый. – Лора вернулась за стол и принялась за еду.

Лора проснулась среди ночи. Она была в спальне одна. Лиза постелила себе в гостиной на диване. Что-то необычное привлекло ее к окну, освещенному снаружи уличным фонарем. Лора поднялась и подошла к окну. Шел снег. В сентябре шел снег. На заснеженном, идеально чистом тротуаре стоял длинный темный автомобиль, роскошный, лоснящийся блестящими боками. Он тоже был слегка припорошен снегом. Внутри его горел свет, должно быть, там кто-то был и кого-то поджидал. И тут Лоре стало нехорошо. Она едва успела добежать до туалета. На шум выбежала перепуганная Лиза.

– Тебе лучше? – Она нежно подхватила Лору под руки, помогла ей умыться, принесла чистое полотенце. – Ты же выпила-то всего три рюмки.

– Я же вообще не пью. – Лора вздохнула и села на краешек ванны.

11ст, не только мужа потеряла она вчера утром. Она лишилась привычной ей обстановки, всех тех вещей, которые окружали ее два года и помогали жить. У нее не **осталось** ничего. Кроме возможности разделить все это с Борисом при помощи посторонних людей

с озабоченными лицами. Глупости, он позвонит ей, и они все решат сами, без суда. Но видеть Бориса Лоре не хотелось. Появись он сейчас здесь, ее бы стошнило.

Лиза протянула ей конверт:

– Это тебе принесли. Позвонили в дверь, ты только уснула, я открыла и увидела на коврике, внизу: «Крониной Л.»

Лора взяла конверт и ушла с ним в спальню. Зажгла свет и, сев на постели, распечатала. «Я буду ждать вас всю ночь в машине под вашими окнами. С. И. Л.» Седов Игорь Львович. Так вот кто в той машине, внизу. Она выглянула снова в окно. Как странно, этот человек ждет ее для того, чтобы обладать ею физически. «Вы можете мне поставить любые условия, у меня большие возможности».

Единственным местом, где в ближайшее время не должно было произойти никаких изменений, была, конечно, редакция. Лора вела довольно замкнутый образ жизни, поэтому никто, кроме Лизы, ничего о том, что с ней произошло, слава богу, не знал. Стрекотали машины, звонили телефоны, все суетились, сновали из кабинета в кабинет – словом, делали номер. Практически все курили. Лора упрямо отказывалась, считая, что курение лишь навредит ее расшатавшейся нервной системе. Купив по дороге на работу бутылку молока, она поставила ее в холодильник с твердым намерением выпить во время обеденного перерыва. На завтрак они с Лизой съели по умеренной порции овсянки и по апельсину. Перед тем как расстаться на остановке – Лизе надо было встретиться с заведующей какой-то клиникой и взять интервью, – Лора сказала, что ночевать не придет, пусть Лиза передаст привет Феликсу. Лиза в порыве благодарности – и сама тут же устыдившись этого откровенного импульсивного жеста – поцеловала Лору и густо покраснела. Бедная девочка ничего не знала о ночном свидании Лоры с человеком в черной машине.

Все утро Лора старалась не думать о Седове и ужасалась, вспоминая о своем поступке. Соглашение, заключенное ночью, вернее уже под утро, не могло сравниться по своей странности и цинизму ни с одним соглашением, которые ей приходилось заключать в жизни. Единственное, что отличало его от соглашений и контрактов, имеющих хоть какую-нибудь силу, было то, что заключено оно было устно. Стороны договорились о взаимных услугах и разошлись. Седов говорил тихо, переходя иногда на фальцет, что вызвало дрожь у Лоры. «Итак, вы проведете со мной семь ночей – с десяти вечера до восьми утра, – после чего получите ключи от трехкомнатной квартиры. За оформление документов отвечаю я». Он говорил это таким убийственно-спокойным, обыденным тоном, что у Лоры на какой-то миг возникло ощущение, будто она присутствует у него на планерке. Они сидели, прижавшись друг к другу от ощущения таинственности, в хорошо прогретом салоне машины, и Лора вдыхала изысканный аромат, исходивший от Седова. Он был в длинном черном кашемировом пальто, длинные белые пальцы барабанили по рыжим, обтягивающим руль кожаным ремням. Он явно нервничал, но выражение лица было удовлетворенным. Лора больше всего боялась, что он потребует от нее исполнения обязательства немедленно, прямо здесь, в машине, но Игорь Львович, словно прочитав ее мысли, сказал, что заедет за ней на следующий день в половине десятого. Они договорились встретиться возле памятника Ломоносову.

Отпечатав пару информационных заметок о культурной жизни города, Лора, заглянув в компьютерный зал, попросила показать ей верстку с интервью Седова.

– Дрынов удовлетворился? – спросила она, пробегая глазами набранные аккуратным шрифтом строчки под фотографией директора химического комбината.

– Сказал, что сухоовато, но пойдет. Он утром улетел в Москву.

Лора сняла ксерокопию и вернулась за свой стол. У нее в руках было доказательство того, что все произошедшее с ней вчера и ночью, – не сон. Вот он, Седов, сидит за столом – очевидно, Феликс постарался заснуть – и держит за голову мраморную женщину. Почему он ее всегда держит за голову?

Выпив молока и съев пирожок с яблоками, Лора спустилась в сберкасса, расположенную на первом этаже в том же доме, что редакции газет «Губернские ведомости» и «Мэрия», сняла пятьсот тысяч рублей, взяла такси и поехала за своими вещами к Лизе. Оттуда она отправилась в гостиницу «Европа», где сняла одноместный номер на третьем этаже с видом на церковь и набережную. В номере было все, что необходимо для жизни: мебель, ковры, телевизор, ванная комната и телефон. Здесь ей предстоит прожить семь дней. Мысль о том, что Седов обманет ее, вызывала головокружение. Если это произойдет, она убьет его, как животное, без сожаления и спокойно уедет к маме в Калугу. Не отомстив, она не тронется с места. Это Лора решила твердо.

Когда она вернулась, Лиза сообщила ей, что приходил Борис и принес сверток. Лора распечатала заклеенный скотчем пакет коричневой почтовой бумаги и увидела пачку денег. И записка, в которой он просит прощения и умоляет ее позвонить ему, чтобы решить «организационные вопросы». Убедившись, что Дрынов действительно уехал, Лора, отложив пачку писем читателей и недописанную статью о предстоящих выборах мэра, незаметно вышла из редакции, села в машину и поехала по магазинам. Не могла же она появиться перед Седовым в старых сорочках и чулках. Борис очень даже кстати передал деньги. На поиски хорошего белья ушло три с половиной часа. Лора измучилась, пока выбрала себе семь комплектов белого, черного, розового и цветного белья. Три миллиона – целое состояние! – уместились, дразня нежными кружевами и шелковыми оборками, в один маленький целлофановый пакет. Лора тщательно продумала свой гардероб. Черный костюм с белой прозрачной блузкой-гофре, французские туфли на шпильке, темно-серый плащ – просто, но изысканно. Какая ему разница, этому тирану, во что она будет одета, если мучить-то он будет ее все равно раздетую.

Нагруженная покупками, Лора приехала в гостиницу и, повесив на двери табличку, подаренную ей знакомым англичанином Ричардом Диком «Прошу меня не беспокоить в течение суток» – на английском языке с переводом, – разделась, приняла ванну и, как во сне, стала примерять белье. Она то вынимала шпильки из волос и представляла себе, как будет выглядеть с распущенными волосами, то забирала тяжелые, цвета горчичного меда, блестящие волосы наверх, открывая тонкую, белую, высокую шею... Седов видел ее лишь в брюках, наглухо застегнутую, он и представления не имеет о том, как она сложена. Лора вдруг заплакала. Она сидела на мягком пуфе перед зеркалом, раскачиваясь из стороны в сторону, и тихонько завывала. Лора вдруг осознала, что сидит в гостиничном номере в белье, которое стоит бешеных денег, и ничем не отличается от проститутки. Абсолютно ничем. Только те берут долларами или рублями, а она собирается взять квартирой. Это же форменный бред. «Ничего, продам машину, куплю ружье и убью его. Почему ружье?» – думала она, уже лежа в ванной, наполненной зеленоватой водой с островками пышной пены, и разглядывая черно-белые кафельные плитки ванной. Лора закрыла глаза и увидела себя лежащей на постели рядом с мужчиной, который... Она тут же открыла глаза и начала поскуливать. Когда раздался стук в дверь, Лора от страха чуть не лишилась чувств. Завернувшись в махровый халат, она приблизилась к двери и охрипшим от волнения голосом спросила:

– Кто там?

– Вам плохо? – услышала она участливый женский голос.

– Нет, у меня все хорошо. – Она дождалась, когда шаги за дверью стихнут, и вернулась в ванную. «Какие у нас люди сердобольные. Табличка же висит, чего беспокоят?»

В девять часов, собранная, изо всех сил пытающаяся унять дрожь во всем теле, Лора вышла из гостиницы. Шел дождь со снегом. Ей предстояло пройти по бульвару два квартала до памятника. На половине пути силы оставили ее, и она присела на краешек мокрой скамейки. «Он же изнасилует меня. А завтра еще раз. А послезавтра еще...»

Кто-то коснулся ее плеча. Лора подняла голову и увидела Седова. Он взял ее за руку.

– Лавка мокрая, а вы сели. Пойдемте. Я рад, что вы пришли.

В машине он внимательно посмотрел ей в глаза, взял в ладони ее голову и поцеловал в губы. Она вся сжалась. А он же, как существо, долгое время проведенное без воздуха, наслаждался ею, этой женщиной, словно пил воду, и дыхание его учащалось с каждой минутой. Наконец он отпустил ее, крепко схватился за руль, и машина, взвизгнув тормозами, резко развернулась и полетела навстречу светофорам, снегу и ветру. Около часа они кружили по городу, и Лора, боясь спросить о чем-либо, сидела молча, подсчитывая в уме удары «дворников» по стеклу, и не смела пошевелиться. Она не знала, куда ее везут и что с ней будут делать. Наконец показались знакомые контуры заводских труб, и она поняла, что они приехали на комбинат. Ворота бесшумно открылись, машина мягко остановилась прямо перед центральным входом. Ворота закрылись. Седов, запахивая зачем-то свое черное пальто, помог ей выйти из машины и провел через проходную – вокруг не было ни души – на второй этаж, через приемную в свой кабинет. Запер дверь, включил автоматическое устройство, зашторивающее плотными шелковыми портьерами окна, и только после этого зажег свет.

– Раздевайтесь, – сказал он тихо и снял пальто, которое тотчас соскользнуло на толстый желто-розовый ковер.

Лора, почти не дыша, сняла плащ и принялась расстегивать костюм. Когда она осталась лишь в юбке, Седов, все это время молча наблюдавший за ней со своего кресла, вдруг сорвался с него, обошел стол и начал снимать с нее туфли.

– Ну что же вы так медленно... – Он расстегнул замочек у юбки, подхватил Лору под мышки и посадил на стол. Упали какие-то бумаги, сдвинулась с места мраморная женщина. Издав непроизвольный стон, Игорь Львович овладел Лорой.

За кабинетом находилась маленькая комната отдыха. Там при свете лампы Лора приходила в себя. Седов, совершенно голый, наливал в фужеры шампанское. Лицо его было по-прежнему непроницаемым. На столике стояло большое блюдо с фруктами, тарелка с копченой рыбой и коробка конфет. Лора посмотрела на часы – они висели на стене – и испугалась, что Седов поймает ее взгляд: они показывали всего лишь половину первого ночи. Когда она захотела одеться, Седов выхватил из ее рук юбку.

– Накиньте жакет, этого достаточно, – сказал он таким тоном, словно она в тридцатиградусную жару собралась надеть шубу.

– Вы отдохнули? – спросил он, пытаясь напоить ее шампанским.

Лора не знала, что ответить. Если она скажет «да», то будет продолжение, если же «нет», то оно наступит позже. Какая разница: – выбор невелик. Устанет же и он когда-нибудь. Она промолчала, и тогда Игорь Львович попросил ее сесть в кресло особенным образом.

– Вам удобно? – спросил он, и она увидела, как он возбужден. Она отвела взгляд в сторону и почувствовала на своей щеке его дыхание. Какое-то время ей казалось, что они опрокинут кресло. Словно почувствовав эти опасения, он перенес ее на диван.

– Так хорошо? – тяжело дыша, спросил он. И она, не подумав, ответила:

– Да.

Спать он повез ее к себе домой. Ровно в семь часов Седов отвел ее, обессиленную, в ванную, потом покормил холодной курицей и поджаренным хлебом с кофе, помог собраться и в восемь часов высадил из машины возле гостиницы.

– Если вы устали, то встретимся завтра в то же время и на том же месте.

Она пожала плечами и толкнула перед собой тяжелую стеклянную дверь.

* * *

Как ни странно, но в одиннадцать часов, когда она входила в редакцию, Лора чувствовала себя превосходно. Но почему-то было необычайно легко, словно она похудела килограммов на десять. В кабинет вошел Феликс, и Лора, совершенно неосознанно, попыталась

представить его себе без одежды. Полноват и рыхловат. Немного женоподобен. Интересно, о чем они говорят с Лизой в минуты близости? Неужели тоже молчат?

Приехал Дрынов. Увидев Лору, первым делом спросил, где Лиза.

– Поехала переодеваться, ей сегодня надо быть на пресс-конференции по поводу открытия французского клуба в центральной библиотеке, – отчеканил Феликс.

Дрынов бросил рассеянный взгляд на разложенные на столе снимки и, ничего не сказав, вышел.

– Какой-то он сегодня странный, – сказал Феликс и, подхватив кофеварку, вышел следом за главным редактором – за водой.

Лора, оставшись одна, испытала нечто похожее на приступ клаустрофобии, настолько ей стало не по себе. Ей было страшно от того, что она совершила, она боялась собственных мыслей. Что вообще происходило? Как могло случиться, что она всю ночь провела с мало-знакомым мужчиной. Неужели все поступки такого рода продиктованы отчаянием? А что будет дальше? Чем закончится эта история? Как она выпутается из этой истории да и сможет ли она после такого эксперимента относиться нормально к мужчинам?

Как ни странно, но, вспоминая прошедшую ночь, Лора меньше всего думала о квартире. Ситуация действительно напоминала бред. Все в ней было нелогично, абсурдно и неестественно. В конце-то концов, можно еще было от всего отказаться. Позвонить и сказать «нет». В машине Седов дал ей свою визитную карточку, потребовав взамен номер гостиничного телефона.

Ее размышления бесцеремонно прервал своим появлением Феликс. Он шумно принялся искать по всей комнате банку кофе, бормотал что-то себе под нос, а потом склонился над Лорой и, заговорщицки подмигнув, сказал:

– Молчишь?

Лора почувствовала, как кровь застучала в висках. О чем он?

– Я все знаю. Дрынов давно хотел тебя назначить... Это ничего, что филиал, все равно котируется, да и зарплата значительно повысится, а там, глядишь, и квартиру дадут.

Совершенно сбитая с толку, Лора потрянула головой.

– Говори по-русски, – потребовала она. – Какой филиал? – Хотя начинала догадываться, что речь идет об открытии на базе «Мэрии» филиала московского журнала «Русский прииск». Неужели дело сдвинулось с мертвой точки? Ведь на место главного редактора прочили ее, Лору.

– Не хандри, что Бог ни делает, все к лучшему. __

Это он, наверное, о Борисе. Невыносимо грубый и бестолковый мужик. Всегда все говорит не к месту и не вовремя.

– Ты что-нибудь знаешь?

– Разведка донесла. Дрынов приехал с подписанными бумагами. Дело на мази. Разве он тебе еще ничего не сказал?

– А что он должен был мне сказать?

– Все-все, не хочешь – не говори. Присмотри тут за кофе, а я пошел. У меня время – деньги, сама понимаешь.

Но не успел он уйти, как стали подходить другие коллеги-журналисты. Все понимающе подмигивали и в завуалированной форме поздравляли ее с необъявленным назначением на новую должность. Лора решила не форсировать события. Если Дрынов действительно собирается назначить ее главным редактором «Прииска», вот пусть он сам об этом и скажет.

В пять часов она закончила работу, сложила вымученную за день статью в папку и привела в порядок стол. Впереди был пустой тоскливый вечер в гостиничном номере. «Уж лучше бы сразу отмучиться, – подумала она, испытывая непреодолимое желание как можно скорее «покончить» с Седовым. От нахлынувших мыслей разболелась голова. Лора заперла

кабинет – Дрынов, кстати, так к ней и не зашел – и спустилась на лифте вниз. Чувство голода и налетевший ветер с дождем погнали ее на поиски теплого жилья и еды. О гостинице и речи не могло быть. Она села в машину и увидела прижатый «дворником» к ветровому стеклу клочок белой бумаги. Ей пришлось выйти из машины, чтобы достать его. «Вы мне нужны сегодня. Заеду за Вами в восемь часов в гостиницу».

Она ужинала в гостиничном ресторане, в полупустом зале. Еда была вполне сносной. Допивая кофе, Лора то и дело поглядывала на часы. Уже семь. У нее есть еще целый час, чтобы привести себя в порядок. Куда ее повезут на этот раз? Она услышала за спиной знакомый голос, но не повернулась. Что-то новое появилось в ее поведении. Чрезмерная осторожность? Но чего ей бояться? Ей изменил муж, и она ушла из дома. Где ей жить, как не в гостинице? А за спиной между тем звучал голос Дрынова. Густой, бархатистый басок. Она даже представила себе своего шефа: невысокий бородач в клетчатом пиджаке и черных бархатных брюках, холеный-прехоленый, пухлогубый со сверкающими очками в позолоченной оправе на маленьком аккуратном носу. Лора расплатилась с официантом и, не оборачиваясь, вышла из ресторана. Оказавшись по ту сторону прозрачных стеклянных дверей, она оглянулась, отыскивая взглядом Дрынова, и, увидев его спутницу, чуть не ахнула.

* * *

Без пяти восемь, когда Лора в плаще и с зонтиком в дрожащих руках сидела на краешке кровати, готовая в любую минуту вскочить от стука в дверь, раздался телефонный звонок. Встала и взяла трубку.

Лора? – услышала она тихий высокий голос, и ей почудилось, что Игорь Львович находится в комнате. Она услышала, как цокают зубы, и стиснула их. – Не надевайте сегодня туфли на каблуке. У вас есть джинсы? Кроссовки?

– Нет. Здесь нет.

– Хорошо, тогда спускайтесь, в чем есть. Я жду в&с у входа.

Она села в машину, стараясь не смотреть на него. В салоне пахло цветами, которые непонятно каким образом оказались у нее в руках. Это была охапка желтых, мелких горьковато-пряных хризантем. Игорь Львович был в серой замшевой куртке и синих джинсах. Лицо бледное, волосы влажные, наверное, от дождя, слегка вились, спадая на лоб. При других обстоятельствах Лора бы непременно спросила, куда они едут. Но то при других обстоятельствах.

Они долго ехали молча. И если первое время Лора тяготилась тишиной, то потом привыкла и просто сидела, утопая в откиннутом мягчайшем кресле-сиденье, уткнувшись носом в ворот плаща, и считала мелькавшие за запотевшим стеклом фонари.

Выехали за город. Дождь кончился, дорога – черная блестящая лента, – казалось, вот-вот оборвется, и они, оторвавшись от земли, взлетят в темное, пугающее небо. Никогда в жизни Лора еще не испытывала таких острых ощущений. Она была как во сне. Все казалось ей нереальным.

Они въехали в лес. Некоторое время петляли по узкой дороге, рискуя врезаться в оранжевые, освещенные светом фар, ровные стволы елей, пока не остановились возле невысоких ворот. Игорь Львович помог Лоре выйти из машины, жестом указал на посыпанную гравием тропинку и со словами: «Осторожно на каблуках», открыл ворота и включил свет. Она так и не поняла, как он это сделал. Они стояли возле крыльца двухэтажного дома из красного кирпича. В окнах горел свет.

– Там никого нет, не бойтесь, – предупредил ее немой вопрос Седов. – Проходите, я сейчас поставлю машину и запру ворота.

Он открыл дверь, и Лора увидела перед собой огромного серого в пятнах дога. Глаза собаки смотрели спокойно, словно она была заранее предупреждена, что хозяин вернется не один.

– Не бойтесь, это Бертран. Он вас не тронет. Проходите в комнату.

Лора, не раздеваясь, прошла и села на стул. По всей видимости, Седов жил здесь недавно и бывал в этом доме крайне редко. Не пахло в нем человеческим духом. Слабый запах краски и лака, которым был покрыт паркет, смешивался лишь со свежим ароматом кофе. Кофе наверняка пил не Бертран.

Игорь Львович вошел в комнату почти беззвучно. Подошел сзади и обнял Лору. Руки его заскользили по ее бедрам вверх, поднимая полы плаща, юбку. Она поняла, чего он хочет, и щека ее легла на полированную столешницу низкого журнального столика. За ними наблюдал Бертран. Интересно, понимал он, что происходит?

– Как вас называл ваш муж? – услышала она неожиданный вопрос, чувствуя, как Игорь Львович замедляет темп, между тем как его руки продолжают крепко сжимать ее плечи. – Никак. Так и звал – Лора, – прошептала она, задышавшись.

– Он делал вам так?

– Нет. Он делал это с другой женщиной.

– Повернитесь ко мне, Лора, – Седов поднял ее и повернул к себе. – Вот по стойте так, не двигаясь, хорошо. Вот так, еще чуть-чуть...

Он опустился перед ней на колени.

Серый дог вытянулся на ковре, положив большую прямоугольную голову себе на лапы.

Когда она пришла в себя, Седов уже обнимал ее. Терся головой об ее щеку, словно успокаивая. «Ну-ну...»

Она сказала, что ей нужно в ванную.

* *

– Почему вы не говорите со мной? – спросил он ее, когда они пили в постели горячее красное вино и заедали сыром.

– Не знаю. Слишком все необычно. Вы считаете меня проституткой?

– В какой-то мере. Кстати, я купил для вас квартиру. Недалеко от вашей редакции. Там сейчас делают ремонт. Я своих слов на ветер не бросаю.

Лору словно ударили. Все было так хорошо, так тепло. Она поставила свой бокал на столик и отвернулась к окну.

– Я тоже, – сказала она бесцветным голосом и натянула на себя плед. «Вы относитесь ко мне как к вещи», – эта фраза вертелась у нее на языке всю ночь, но она так ее и не произнесла. Седов, отдохнув, предложил ей сыграть партию в шахматы.

– Вы это серьезно? – спросила Лора, одеваясь, она словно боялась, что ее заставят разгуливать по дому нагишом.

– Вам достаточно накинуть халат, – как бы между прочим бросил Игорь Львович, словно прочтя ее мысли. – Незачем надевать чулки, здесь хорошо натоплено. К тому же вы мне очень нравитесь раздетой.

Он возбуждал ее своими разговорами. И все же нечто патологическое было в их отношениях. Элемент насилия присутствовал в каждом его жесте, каждой фразе. У него был повелительный тон, не терпящий возражения, но в то же время иногда в их спонтанных беседах проскальзывали нотки доверительности и забота, свойственная людям, прожившим друг с другом достаточно долгое время. Лора не знала, как к нему относиться. Она, как это часто бывает у женщин, то злилась на него, то, ожидая грубости, внезапно открывала для себя в нем бездну нежности и умиротворения, которое распространялось и на нее. Разговоры о квартире раздражали ее все больше и больше. Седов же, напротив, говорил о сделке с убийственным спокойствием, чем выводил Лору из себя. Понятное дело, они играли в игру.

Но только если Седову здесь отводилась роль мужчины, покупающего проститутку, то Лора чувствовала себя участницей эксперимента, но никак не шлюхой. Она экспериментировала со своей душой и в большей, конечно, мере с телом. Она как могла боролась со стыдом, во всем повинаясь Седову, и, лишь оставшись одна, долго приходила в себя, вспоминая пережитое.

– Если вы проиграете, то вам придется отдаться мне, – полушутя сказал он ей. Они сидели друг против друга в полутемной комнате. Их разделяло шахматное поле. Лора, откинув волосы со лба, сидела, нахмурившись, понимая, что ее король загнан в угол, и представляла на его месте себя, загнанную в угол – комнаты. Игорь Львович сидел, облокотившись о стол. Его голова опиралась на большие белые руки, покрытые темными волосами. Длинный, до пят, черный мохнатый халат распахнулся, открывая крепкую волосатую грудь.

– А почему вы не спросите меня, что будет, если я проиграю? – спросил он и поднял на нее свои прозрачные бесстрастные глаза.

– По логике вещей, тогда вы вынуждены будете мне отдаться, – зябко поводя плечами, ответила Лора, нисколько не придавая значения сказанному.

– Вот как? Тогда внимательно посмотрите вот сюда... Видите? Вам достаточно поставить таким вот образом ладью – вы видите? – и мне будет мат. Я так увлекся атакой, что позабыл о безопасности собственного короля. К тому же мой ферзь давно уже стоит под прицелом вашего слона и коня. Вы рассеяны, Лора. Крайне.

– Что же делать?

– Вы ставите мне мат и берете меня. Вот он я, и я не вижу смысла что-либо менять. – Он подошел к ней, и Лора от ужаса закрыла лицо руками.

– Но я не могу так, – сказала она. – Я никогда, никогда не смогу так... Не надо.

– Вы, наверное, думаете, что я чудовище, – сказал долго молчавший Седов.

Они шли ранним утром по лесу. Солнце, поднимаясь, осветило нежным розоватым светом наполовину утопающие в полупрозрачном тумане ели. Воздух был холодным и, как показалось почему-то Лоре, сладковатым на вкус. Несмотря на то что спать в эту ночь ей пришлось не больше трех часов, она чувствовала себя выспавшейся и хорошо отдохнувшей. «Вы будете хорошо спать, я оставлю окно открытым... Хвойный воздух, знаете... Я долго искал место для дома и выбрал именно это из-за реки и леса». – «Здесь есть река?» – «Да, неподалеку».

– Зачем вам знать, что я думаю о вас? Вы и сами чувствуете, что у меня мало опыта в общении с мужчинами, так откуда мне знать, один вы такой или все мужчины похожи на вас. Я знала только мужа, вот он точно чудовище. Я ненавижу ложь. Вы, во всяком случае, не лжете мне, что любите меня, а ведете себя естественно. Пусть наши отношения носят характер сделки, так все равно честнее. – Лора поймала себя на том, что оправдывается в собственных глазах, и замолчала.

– Кстати, о лжи, – словно вспомнив, воскликнул по-мальчишески высоким голосом Игорь Львович и остановился. Приблизил свое порозовевшее от легкого мороза лицо к Лоре и, взяв руками ее голову, притянул к себе. – Ответьте мне, вы были искренни со мной, когда шептали мне на ухо слова, вовсе не имеющие отношения к нашей сделке... Вы разыграли страсть, чтобы угодить мне, или...

Лора с силой, наотмашь, ударила Седова по лицу и побежала по аллее. «О чем он говорит? Какие слова? Какая к черту страсть?! Да он сумасшедший!» Проваливаясь острыми каблуками в мягкую, рыжую от хвои землю, она углублялась в лес все дальше и дальше, пока не выбилась из сил и не остановилась. Кругом было тихо. Седов и не собирался ее догонять. Какое ему дело до нее? Она действительно заслуживает всяческого презрения и унижения. Как она ненавидела себя в эту минуту! Да, он был прав. Она словно на какое-то время лиши-

лась рассудка. Но это не его дело. Что ему до ее чувств? Но как она позволила себе расслабиться до такой степени, что забыла, с кем лежит в постели?

Лора повернула обратно. Туман уже рассеялся, и она смогла без труда рассмотреть за деревьями светлую высокую стену забора, окружавшего дом. Внезапно Лора услышала какой-то шорох, обернулась и увидела семенившего в ее сторону Бертрана. Она остановилась, дог тоже.

– Все-все, иду, – словно обращаясь к человеку, произнесла она, дрожа одновременно и от холода, и от непонятного страха.

Седов на кухне вырезал из сыра звездочки и некое подобие кленовых листьев. Лора разулась и пошла на кухню. Пахло горячим кофе, и апельсины, разрезанные на дольки, были аккуратно разложены на большом блюде.

– Я не хотел вас обидеть, – примирительным тоном сказал Игорь Львович и жестом пригласил ее сесть к столу. – Забудьте все, что я вам сказал. Хорошо?

– Как бы я хотела быть женщиной, – не глядя на Седова, сказала Лора, наливая себе в чашку кофе, – чтобы вот так покупать понравившуюся вещь или человека. Согласитесь, только с помощью денег можно добиться власти над людьми.

– Не всегда, милая Лора, – Седов откинулся на спинку стула и принялся разглядывать вырезанную им из ярко-желтого сыра фигурку лошади. – Часто бывает наоборот: власть приносит деньги. Но главный рычаг все же ум. Глупый человек не может быть богатым. Разве что он отыщет клад или ему достанется наследство. Это вечная тема. А что касается того, что вы хотели бы стать женщиной, то я не согласен* с вами. Оставайтесь на своем месте. У женщин больше привилегий. Кроме того, женщины... – он положил руку ей на плечо и больно сдавил его, – женщины имеют власть над мужчинами и без денег. И пользуются этим. Не так ли?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.